

The background of the cover is a vibrant, painterly illustration. A woman with her hair in a bun, wearing a white jacket and carrying a red bag, sits on a wooden bench. A grey cat is curled up next to her. They are looking out over a landscape with fields of pink and purple flowers. In the distance, there is a small white house with a red roof. A large tree with green and yellow leaves is on the right side of the frame. The sky is a mix of soft colors like pink, orange, and blue, with some white clouds. The overall style is whimsical and artistic.

метте танзен

перевод
Ирины Шейбак

под
вересковым
небом

антистресс-книга

роман

МИО

Метте Танзен
Под вересковым небом
Серия «Антистресс-книга (МИФ)»
Серия «МИФ Проза»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74331691

Под вересковым небом / Метте Танзен: ООО «МИФ»; Москва; 2026

ISBN 9785002811649

Аннотация

Фрауке давно живет так, будто ее жизнь отложена на потом: работа не радует, отношения трещат по швам, а каждый день похож на бесконечный список дел. Когда муж предает, а карьера окончательно рушится, Frauке сбегает в маленькую деревушку в Люнебургской пустоши.

Здесь, под бескрайним вересковым небом, среди запаха свежего хлеба и неспешных дней она впервые за долгое время разрешает себе просто быть. Постепенно она учится радоваться простым вещам, отпускать прошлое, слушать себя и снова с надеждой смотреть в будущее.

Иногда побег – это не конец, а шанс вернуться к себе и жизни, в которой снова хочется быть счастливой.

Содержание

Карапуз в сырной лавке	8
Проклятое судоходство	20
Чудак	31
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Метте Танзен
Под вересковым небом

Original title:

DER GESCHMACK DES LEBENS

Mette Thansen

На русском языке публикуется впервые

Книга не пропагандирует употребление алкоголя. Употребление алкоголя вредит вашему здоровью.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Original Title: Der Geschmack des Lebens

Copyright © 2023 by Knaur Verlag. An imprint of Verlagsgruppe Droemer Knaur GmbH & Co. KG, Munich

© Издание на русском языке, перевод, оформление.
ООО «МИФ», 2026

* * *

Все описанные в романе места существуют на самом деле.

Все люди и животные, дворы и дома, магазины и рестораны вымышлены

Посвящается всем женщинам, покоряющим

Карапуз в сырной лавке

– И вот отсюда я тоже что-нибудь возьму.

Мой взгляд блуждает по бесчисленным видам сыра на прилавке рыночного ларька. Тут полным-полно деликатесов.

– ...С зеленью, фисташками, трюфелями, боровиками, – бормочу я про себя, изучая этикетки.

Господи, да как же тут выбрать?

– А из чего этот творожный сыр? – спрашиваю я у продавщицы, чтобы потянуть время.

– Из козьего молока. Здесь все из козьего молока. Другого у нас нет.

Я с удивлением поднимаю глаза и заглядываю в веснушчатое лицо, которое все еще хранит следы летнего загара.

– Козы на Люнебургской пустоши? – спрашиваю я. – Я думала, здесь водятся только овцы.

Веснушки на лице женщины пускаются в пляс.

– Нет, – весело качает головой она, – здесь еще живет сто пятьдесят коз, моих коз. Они дают молоко, а мы из него делаем вот этот сыр.

Широким и грациозным взмахом руки женщина указывает на прилавок. Затем слегка касается фотоколлажа, висящего позади. На изображении резвится целая армия белоснежных коз: с высоко поднятыми головами и рогами, бахромчатыми бородками и внимательными глазами. Козы смотрят в камеру радостно, даже излишне любопытно.

– Это новый хлев открытого типа, который мы построили в прошлом году, а вот на этой фотографии, – указательный палец женщины заскользил по пестрому коллажу, – козы пасутся летом на пастбище.

Я несколько раз киваю и тихо восклицаю:

– Вау!

– А это я!

Вдруг откуда-то из самых глубин лавки выскакивает маленькая девочка. Она вытягивается всем телом и энергично поднимает вверх указательный палец:

– Это я, когда была маленькой!

Девочка становится на цыпочки и достает до фотографии, на которой посреди стада коз виднеется красная детская коляска. Мы с продавщицей смеемся.

– Точно. – Женщина нежно, почти с наслаждением гладит ребенка по каштановым волосам. – Это ты, когда была маленькой.

– Мама, – девочка прильнула к матери, запрокинув голову, – у нас осталась коляска?

– Да, Валери, она на чердаке, а что?

– Она ведь понадобится нам, когда у меня появится сестренка.

Хозяйка ста пятидесяти коз на секунду закатывает глаза, усмехается и переводит взгляд на меня.

– Она только об этом и говорит. Валери больше всего на свете мечтает о сестре.

– А что, – я заговорщически подмигиваю малышке, – это вполне можно устроить.

Валери одаривает меня восторженной улыбкой, и я замечаю у нее между зубов широкую щербинку. Наверное, только-только пошла в первый класс, потеряла первые молочные зубы – и от этого выглядит еще милее. Что за очаровательное создание! Девочка тоже загорелая, в ярком летнем платье в полоску.

– Мама... У меня же будет сестренка?

Что-то в ее голосе вдруг трогает меня. Эта легкая дрожь. Эта просьба, мольба об исполнении заветного желания. Комок подступает к горлу, я быстро опускаю взгляд. Как часто я и сама так стояла перед родителями. Раньше я так же сильно мечтала о сестре.

– Валери, мне нужно работать. – Решив не продолжать разговор, молодая мама наклоняется, смахивает дочке волосы со лба и целует ее. – Поиграешь еще немного в пони-ферму?

Малышка послушно исчезает за прилавком.

– Только не наступи снова на Беллу и Люси! – доносится

снизу.

– У нее с собой игрушечные лошадки, – объясняет мама. – Сегодня мне, – она наклоняется вперед и чуть тише добавляет: – Пришлось взять Валери с собой на работу.

– Вот оно как, – я понимающе киваю и снова возвращаюсь взглядом к витрине. – С выбором сыра я дальше так и не продвинулась.

– Возьми с зеленью, – раздается снизу голос Валери, – мне он нравится.

– Ну, раз так, – я чувствую облегчение, что выбор сделан, – тогда мне творожный сыр с зеленью, пожалуйста.

Я в предвкушении наблюдаю, как это сокровище отправляется в мою корзину. Там уже ожидают изысканный полутвердый сыр, изрядный кусок бри и камамбер.

– Что-нибудь еще?

Я отрицательно качаю головой и, пока хозяйка подсчитывает сумму, незаметно разглядываю ее. Сколько ей лет? Под тридцать? Или немного за тридцать? В любом случае она совсем молода. И при этом у нее уже есть своя козья ферма. И прелестная дочка. Удивительно!

Я снова смотрю на коллаж и вижу фотографии из сыроварни: блестящие стальные смесительные чаны, погреб для созревания сыра с длинными деревянными полками и ящики, доверху заполненные готовой продукцией.

– С вас двадцать три евро.

Я роюсь в сумочке в поисках кошелька.

– Что, коза, снова обираешь бедных туристов?

Я удивленно оборачиваюсь и вижу мужчину с окладистой бородой. Кто это?

– Не называй меня так, Клас, это неприлично, – возмущается женщина, на что мужчина лишь довольно ухмыляется. – Иди уже, тебе давно пора спать.

– Слушаюсь! – мужчина прикладывает руку к козырьку кепки и стремительно удаляется.

Я растерянно смотрю, как рослая фигура исчезает среди покупателей, а вслед за мужчиной семенит крошечная такса. Забавная пара!

– Кто это? – спрашиваю я.

– Это Клас – самый нахальный и самый лучший пекарь в городе. Да что там в городе! Во всем нашем округе! Каждый день он встает в четыре утра, чтобы испечь хлеб, а днем снова ложится спать.

– Понятно.

Я отсчитываю мелочь и вместе с двумя купюрами протягиваю через прилавок:

– Без сдачи, спасибо.

Я собираюсь прощаться, на секунду поднимаю руку и уже разворачиваюсь, как вдруг вспоминаю:

– Ах да, а где пекарня этого... Класа? Хочу прикупить что-нибудь к сыру.

– Мимо ратуши, потом все время прямо, не заблудитесь.

Я благодарю женщину и пристегиваю корзину с покупка-

ми к своему арендованному велосипеду. «Не очень надежная конструкция, – думаю я, глядя на нагруженный багажник, – но должна выдержать».

– Передавайте от меня привет малышке, когда снова объявится! – кричу я продавщице и, спотыкаясь, толкаю велосипед по мостовой Люнебурга.

«Остановиться здесь на пару дней и отдохнуть было хорошей идеей, – размышляю я. – Как же прекрасен этот маленький ганзейский город, от него так и веет спокойствием». Я поднимаю глаза и окидываю взглядом фасады зданий. Кажется, почти каждое из них – исторический памятник. Здесь, в старом городе, один кирпичный дом краше другого. Многие фронтонные постройки, как и кривые улочки, сохранились еще со времен Средневековья. Я узнала об этом вчера, когда прямо под окнами квартиры, в которой я поселилась на время отпуска, остановилась группа туристов. Даже подслушивать не пришлось: через открытое окно на кухне я прекрасно могла разобрать каждое слово. Так я и узнала о рынке, который работает по средам и воскресеньям рядом с исторической ратушей.

«Полезная информация», – вспоминаю я теперь. Вдруг из мыслей меня вырывает телефонный звонок. «Пожалуйста, только не по работе, – молю я, – дайте мне еще немного насладиться отпуском».

Я спешно прислоняю велосипед к стене ближайшего дома и свободной рукой копаюсь в набитой покупками сумке. По-

сле трех сигналов я наконец нахожу эту проклятую шутовину. К счастью, на дисплее светится совершенно безобидное «Бетти».

– Рада тебя слышать! – приветствую я подругу.

– Хэй, Фрауке, где я тебя застала на этот раз? Нью-Йорк, Берлин, Токио?

– Нет, я в Люнебурге.

– Чего?

– В Лю-ю-юне-е-ебу-у-урге, – повторяю я чуть громче.

– Прости, а где это?

– К югу от Гамбурга. Может, слышала о Люнебургской пустоши, степных овцах и вереске?

На том конце провода тишина. Потом раздается смешок:

– Но, Фрауке, это ведь провинция. Что ты там забыла? Ты же горожанка до мозга костей, а не какая-нибудь фермерша с пустоши.

«Бетти в своем репертуаре», – думаю я с улыбкой и приклоняюсь рядом с велосипедом к кирпичной стене. Чувствую приятное тепло: конец сентября – но солнце нагрело стену.

– Ах, это долгая история... я... в общем... так вышло, что... – я начинаю запинаться, но беру себя в руки. – Короче, я в отпуске.

– Все в порядке? Юстус с тобой?

– Нет, а почему ты спрашиваешь? У меня все отлично. Солнце светит, настроение просто прекрасное.

– Позволь-ка подытожить. Во-первых, ты в деревне. Во-

вторых, в отпуске. В-третьих, без мужа. Ты! – Бетти делает глубокий вдох. – Это странно! Это не похоже на мою подругу Фрауке!

– У меня правда все хорошо, не переживай.

Последние слова я произношу чуть громче, потому что на улицах Люнебурга становится шумно.

– Что происходит? Я ничего не понимаю...

И в этом Бетти права, ведь ровно в полдень из ратушной башни прямо напротив раздается звон карильона.

– Мейсенский фарфор! – кричу я в трубку, поднося телефон прямо к губам; это я тоже подслушала вчера у экскурсовода. – В Люнебурге есть карильон из мейсенского фарфора, он звонит три раза в день.

Из трубки доносится многозначительное «Ага», а потом:

– Фрауке, не считаешь ли ты, что я...

Бабах! Оглушительный грохот отвлекает меня от телефонного звонка. Камамбер, а вместе с ним два яблока, морковь и красная луковица падают на землю и катятся по мостовой.

– О нет, Бетти, извини, я перезвоню!

В следующую секунду я завершаю звонок и спешу за своими покупками. Черт, моя конструкция все же оказалась ненадежной. Я быстро поднимаю корзину и начинаю подбирать с земли упавшие продукты. Хочу взять последнюю морковь, но тут меня опережает собака.

– Дереза! Дереза, фу, ну-ка брось!

Я с удивлением смотрю на проворного мужчину и еще более быструю таксу.

– Вот дрянь! – Человек останавливается, а бегущая перед ним собака с высоко поднятой головой скрывается в угловом доме, прихватив с собой морковку. – Это животное когда-нибудь сведет меня с ума.

Мужчина – по-видимому, хозяин таксы – оборачивается, глядя на небо. Теперь я узнала его: это Клас, пекарь с окладистой бородой. Вначале я порываюсь сказать что-то а-ля «Каков пастух, таково и стадо», но сдерживаюсь и медленно поднимаюсь.

– Все не так страшно, это всего лишь морковка, – пытаюсь я унять его злость, а затем в качестве примирения добавляю: – Вы что, плохо кормите свою собаку?

Шутка вышла доброжелательной и вежливой, как я и привыкла.

– Чушь, – звучит в ответ его грубая и единственная реакция.

«Просто замечательно, – думаю я с возмущением. – Очарование явно не его конек».

Тем не менее этот тип поднимает велосипед и протягивает мне руку для рукопожатия. Потом, не попрощавшись и не извинившись, уходит.

– Шовинист, – не удержавшись, бормочу я вполголоса.

– Я все слышал, – бросает мужчина через плечо.

«Какой наглец. Продавщица на рынке была права: он про-

сто чурбан. Попадись он мне на работе, я бы разнесла его в пух и прах», – подумала я с вызовом, решительно толкая велосипед. Я тренер по коммуникациям, и с тех пор как я начала работать на себя, уважительное отношение и осмот- рительная вежливость стали моими фишками. Ни одним из этих качеств этот человек не обладает! Ни одним! О хоро- ших манерах он и не слышал. А самое ужасное, что он этого даже не замечает! Таким, как он, чужда и неуверенность в себе, и саморефлексия. Такие люди по жизни идут напролом как танки и чувствуют себя при этом просто отлично. Высо- комерные эгоисты, которые...

Вдруг мне в нос ударяет восхитительный аромат, вытес- няя прочь мысли, уже начавшие выводить меня из себя. Ви- тающий в воздухе запах не спутать ни с чем другим. Запах свежего хлеба!

Я вспоминаю о своей покупке и представляю, как ломтик козьего сыра ложится на хлебную корочку, чувствую одно- временно хруст и маслянистую мягкость... Боже мой, я про- сто сдаюсь перед лицом таких кулинарных изысков!

Конечно, я догадываюсь, что пекарня, от которой я только что потеряла голову, принадлежит Класу, этому наглому гру- бияну, которого мне пару минут назад хотелось хорошенько поколотить. И все же этот восхитительный аромат лишает меня всякой власти.

Как под гипнозом, я паркую велосипед – на всякий случай закрепляю его в специальной стойке – и попадаю в сказоч-

ную страну ароматов.

Мой муж Юстус точно сделал бы сейчас свое фирменное, слегка насмешливое выражение лица: брови приподняты, правый уголок губ втянут, взгляд устремлен куда-то вдаль. А потом, после небольшой театральной паузы, Юстус бы сказал: «Опять у тебя все мысли о еде. Тебе бы не помешало сбросить пару килограммов».

Да, именно так бы все и было, но Юстуса здесь нет, а я – в раю. Ведь я уже вижу его – широкий прилавок с великолепным домашним хлебом, аппетитно разложенным рядами прямо передо мной. Я сразу понимаю, какой хлеб лучше всего подойдет к сыру. К счастью, самого пекаря не видно.

– Мне, пожалуйста, вон ту небольшую буханку ржаного хлеба, – выпаливаю я продавщице, едва она успевает заметить меня.

– Да, конечно.

Женщина ловко заворачивает моего «хлебного фаворита» в коричневую упаковочную бумагу со странными дырочками.

– Лучше хранить хлеб в этой упаковке, так он дольше останется свежим, – объясняет она, заметив мой скептический взгляд. – Мы сами придумали эту упаковку.

– Очень интересно, спасибо.

Я беру протянутый сверток и кладу его прямо в корзину с покупками.

– А теперь, пожалуй, мне бы не помешало купить что-ни-

будь сладкое на вечер. Какие у вас есть пирожные?

– У нас нет пирожных. Мы печем только хлеб.

Как же так? Не может быть.

– Но у вас ведь наверняка есть что-нибудь сладкое, хотя бы пара круассанов или булочек?

– Нет, правда, мы печем и продаем только хлеб, – отвечает продавщица настойчивее и уже окидывает взглядом вновь прибывшего покупателя.

– Что ж, ладно, – бормочу я себе под нос, отсчитываю мелочь, кладу ее на прилавок и отхожу в сторону.

При этом я чувствую, что нашла себе новую пищу для размышлений: что за тип этот Клас? Пекарь, который печет только хлеб? Самодовольный одиночка, который делает все что вздумается? Очень странно.

Погруженная в свои мысли, я уже собираюсь выйти из магазина – и слышу тихое чавканье. В нише около входной двери на небольшой подушечке уютно устроилась такса-воришка. Довольная, с бархатным блеском в глазах, она грызет морковку. До сегодняшнего дня я и не представляла, что собаки любят овощи. Блаженное удовольствие, что исходит от этого зверька, знакомо мне слишком хорошо, поэтому я заговорщически улыбаюсь собаке и шепчу:

– Приятного аппетита.

Затем покидаю пекарню и направляюсь к своему велосипеду.

Проклятое судоходство

Дуб на заднем дворе, мягко раскинувший ветви над террасой на крыше, все еще стоит зеленый. Его будто и не пугает надвигающаяся осень, хотя листва других деревьев уже давно приобрела желтые и коричневые краски. А я наслаждаюсь зеленью, уютно устроившись на шезлонге.

Эта квартира, которую я совершенно спонтанно решила снять на время отдыха, просто фантастическая. Удачная находка! Симпатичная мансарда в одном из тех великолепных домов с фронтоном, которые являются визитной карточкой Люнебурга.

Спальня расположена на самом верху. Это не комната, а мечта: белые тона, открытые выбеленные балки на потолке, обычная французская кровать, заправленная хлопковым постельным бельем, воощеный пол, комод – и на этом всё. Просто замечательно! Встать в полный рост удастся лишь в центре комнаты, прямо под коньком крыши. Она такая маленькая, но очень уютная.

Этажом ниже разместились терраса с шезлонгом и симпа-

тичная, выкрашенная в светло-голубой цвет гостиная с открытой кухней. Дизайн кухни простой, а потому блестяще сочетается со старинным сервантом из мягкой древесины, который искусно вписан в комнату. Прямо за сервантом царит уют: светло-серый диван, обтянутый мягким выстиранным льном, кресло для чтения с подставкой для ног, камин и красивые датские окна. Планировка простая, но продумана до мелочей. У выхода на террасу нашлось место даже для небольшого письменного стола.

«В самый раз», – размышляю я и радостно шевелю пальцами ног со свежим ярко-красным лаком на ногтях. Затем хватаю телефон, чтобы проверить прогноз погоды. Надеюсь, завтра будет солнечно, ведь я планирую прокатиться на велосипеде. Не успеваю я посмотреть прогноз, как вижу сообщение от Бетти. Три сообщения, если быть точнее:

*Что случилось? Почему ты сбрасываешь?
Пожалуйста, перезвони мне.*

И наконец, минуту назад:

Фрауке, позвони мне!

Я вдруг начинаю чувствовать себя виноватой, звоню Бетти, слышу семь гудков и, ничего не добившись, кладку трубку. Я высылаю подруге свою геопозицию, прикрепляю пару фотографий квартиры, в которой остановилась, и фотографию нового педикюра. В принципе, этого должно хватить, чтобы ее успокоить.

Затем убираю телефон и стряхиваю с колен несколько хлебных крошек. Небольшое сырное ассорти, которое я только что с удовольствием съела, было просто божественным. А этот восхитительный ржаной хлеб, который я купила к сыру, – просто песня: мягкий, почти влажный внутри, хрустящий и плотный снаружи. Не поверите, но вкус был даже лучше, чем аромат.

Признаю: этот своенравный пекарь – мастер своего дела. Да, пожалуй, мне придется еще пару раз заглянуть к нему во время моего пребывания в Люнебурге.

А сейчас мне бы хотелось выпить бокал красного вина. Бутылка на кухне наверняка наполовину полна. Или еще слишком рано для вина? Я тянусь за телефоном, чтобы узнать время, но вдруг экран загорается. Бетти! Я отвечаю на звонок.

– Фрауке! Ты что делаешь? – раздается в трубке голос подруги.

– Сажу на солнце, крашу ногти, болтаю с лучшей подругой – вот как-то так.

– В среду!? Извини, не могу себе это даже представить. Ты же самая трудолюбивая пчелка на свете. Выкладывай, – Бетти громко вздыхает, – что случилось?

– ...

– Молчишь? Дай-ка подумать. А ты не должна сейчас быть в Гамбурге? Разве та крупная судоходная компания не записалась к тебе на несколько тренингов? Ты же мне рассказы-

вала об этом. Да, точно, я начинаю припоминать: ты должна была обучать целый экипаж. У них возникли какие-то проблемы, потому что пассажиры, путешествующие на их роскошных лайнерах, становятся всё сложнее...

– Требовательнее, – перебиваю я, – они становятся требовательнее. Тот, кто допускает даже мысль о том, что они сложные, уже проигрывает в общении с клиентами.

– Вот теперь я узнаю тебя, Фрауке.

Я буквально вижу, как на лице подруги расцветает победная улыбка.

– Так что в итоге с этими – подчеркиваю – требовательными пассажирами и их шикарными стюардами? Почему ты не в Гамбурге?

– Они отменили контракт. Просто взяли и отменили. Восьмидневное обучение, очень крупный заказ.

– Нет, – протягивает Бетти, – так ведь нельзя.

– К сожалению, так бывает. Я ехала в Гамбург, когда мне позвонила директор, госпожа Маллинкродт.

– И что она сказала? Она ведь наверняка назвала причину.

– Сокращение штата. Семья владельца судоходной компании приглашала консалтинговую компанию по вопросам управления и теперь хочет стать «стройнее». Стройнее, умнее, моложе, динамичнее и черт знает чего они еще хотят.

Я чувствую, как внутри меня закипает злость, поэтому быстро поднимаюсь с шезлонга и бегу на кухню. Делаю это осторожно, потому что лак на ногтях еще не высох.

– Но вы ведь подписали контракт. Ты что, не подтвердила получение заказа? Договор предусматривает уплату сборов в случае отмены. Ты уже выставила им счет?

Самое время упомянуть, что Бетти – это не только моя лучшая подруга, но и мой финансовый эксперт. Будучи профессионалом в сфере налогового и бизнес-консультирования, она специализировалась на таких отраслях, как коммуникации и искусство. Прибыльное дело, особенно с тех пор, как рынок искусства переживает бум.

– Официально, – теперь уже я начинаю протягивать слова, – тренинги перенесены на более поздний срок. Я уверена, что, как только ситуация успокоится, кадровая служба продолжит со мной сотрудничать. Конечно, они же не хотят терять такого ценного специалиста, как я, учитывая наши доверительные и надежные деловые отношения...

– Это тебе директор так сказала? – перебивает меня Бетти.

– Да, передаю дословно.

– Хм.

– Вот именно: хм.

– Другими словами, сиди, не высовывайся и молчи о расходах, иначе можешь сразу попрощаться со своим клиентом.

– Да, дорогая Бетти, лучше и не скажешь.

Между тем я подхожу к серванту, ставлю звонок на громкую связь, вытаскиваю пробку из бутылки и наполняю бокал. С бокалом в руке, смартфоном и, конечно же, Бетти я возвращаюсь на террасу.

– И что теперь? – спрашивает она.

– Теперь я воспользуюсь моментом и отдохну пару дней.

– В Люнебурге?

– В Люнебурге, – весело отвечаю я.

– И что ты там будешь делать одна?

– О, я совсем не чувствую себя одиноко. Видела, какую милую квартиру я сняла? К тому же здесь столько интересных людей. Сегодня утром я познакомилась на рынке с фермершей, которая разводит коз и делает просто фантастический сыр. А еще здесь есть пекарь. Поверь мне, он печет...

– Ладно-ладно, вижу, что у тебя все в порядке. Пока ты думаешь о еде, все хорошо.

– Ха-ха.

Слова Бетти даже немного задели меня. Неужели я настолько предсказуема для окружающих? Мне хватает Юстуса, который постоянно твердит о моих «кулинарных причудах», как он это называет. Теперь и Бетти туда же.

– Так, Фрауке, мне нужно идти, – подруга меняет тон на деловой. – Скоро начнется собрание.

Звучит короткое «Пока» – и разговор завершается так же резко, как и начался. Типичная Бетти.

Я кладу телефон на небольшой столик, который поставила прямо рядом с шезлонгом. Стало тихо. Непривычно тихо. Прислушиваюсь к дубу: ни дуновения ветра, ни шелеста листьев.

Я покашливаю, делаю глоток и запрокидываю голову. Мо-

жет, все-таки стоило все рассказать Бетти? Я прикрываю глаза. Наверное, так было бы лучше.

От моего хорошего настроения вдруг не остается и следа. В мыслях я снова вижу себя на парковке у автомагистрали А-7 недалеко от Ганновера. Дождь моросит по лобовому стеклу. Пока некоторые водители выходят из своих грузовых автомобилей и бесцеремонно мочатся на все, что не может убежать, я сижу в машине и плачу навзрыд. Не из-за истории с судоходной компанией, которая только что так высокомерно и даже грубо мне отказала. Нет, я плачу из-за той последней капли, которая переполнила чашу.

Чашу, которая наполнялась и наполнялась уже несколько месяцев и заставляла меня чувствовать себя все более напряженно. Между тем в панике я становилась радостнее, громче и активнее. Я миролюбивый человек и терпеть не могу, когда в семье разлад. Тогда я делаю все возможное для того, чтобы это исправить.

Но на этот раз у меня не получилось. На этот раз Юстус стал еще молчаливее и в конце концов не проронил ни слова. Лишь бросил одну-единственную фразу: «Я съезжаю».

«Я съезжаю». Это было в воскресенье. Рано утром в понедельник мне нужно было быть в Гамбурге на тренинге с этой проклятой судоходной компанией. Я профессионал и, конечно же, после бессонной ночи отправилась в ганзейский город. И была этому рада! Ведь что еще мне оставалось делать? Помогать бывшему собирать вещи?

Уехав из Франкфурта, я почувствовала облегчение. Но когда вдруг позвонили из Гамбурга и сообщили об отмене в такой форме, будто я была какой-то простофилей с улицы, все мое самообладание куда-то пропало. Я держалась из последних сил, но, положив трубку, разрыдалась в голос. Чтобы не рисковать, я свернула на ближайшую парковку и дала волю эмоциям.

Опять меня охватило чувство, словно я абсолютно все в жизни сделала не так.

Спустя некоторое время я вытерла слезы, завела двигатель и включила дворники. Выехала с парковки, добралась до ближайшего съезда с автомагистрали, чтобы развернуться и направиться обратно в Гамбург, но рядом со съездом увидела указатель с надписью: «Люнебург».

Люнебург. За считанные секунды все связанное с этим словом фильмом пронеслось перед моими глазами: фермерский дом с соломенной крышей, мягкие, как бархат, кролики, куры, пони, родители, бесконечные летние каникулы. Несколько раз мы с семьей отдыхали на Люнебургской пустоши. Какое же прекрасное было время!

Повинуясь какому-то внутреннему импульсу, я свернула на обочину и притормозила. Достала телефон, зашла в интернет, набрала «Люнебург» и «Квартира для отдыха». Ведь что, скажите, мне делать дома? В квартире, которую я всегда считала слишком большой и чужой и пребывание в которой теперь – без мужа – стало бы просто невыносимым. Нет, я

поеду куда угодно, но только не в этот холодный пустой дом.

Я принялась листать поисковые запросы и вскоре нашла его – свое гнездышко. Завораживающе красивые двухэтажные апартаменты: две комнаты и терраса, которая, словно птичье гнездо, простирается прямо до кроны дуба. Одних фотографий было достаточно, чтобы меня убедить. Я сразу же набрала номер владелицы квартиры. Мне повезло: квартира была свободна, а забронировать ее можно было в ту же минуту.

Я завела машину и почувствовала себя лучше. Еще лучше мне стало, когда я увидела через лобовое стекло странно знакомый пейзаж Люнебургской пустоши: бескрайние просторы, уходящие вдаль сосновые и буковые леса, перемежающиеся живописными лугами и деревушками.

Добравшись до небольшого городка, я была готова сесть на мель в прямом смысле этого слова, ведь, как оказалось, моя квартира была расположена прямо на берегу реки Ильменау, название которой я, кстати, хорошо помнила. Где-то неподалеку находилась ферма, куда я приезжала в детстве на каникулы.

Владелица квартиры, госпожа Андерсон, живущая прямо по соседству, встретила меня бодрым «Привет!». Я уже и забыла, как звучит традиционное северонемецкое приветствие.

Окинув меня пронизательным взглядом, женщина, кажется, сразу все поняла. Она не задавала лишних вопросов.

Показав квартиру, госпожа Андерсон оставила мне ключи, тепло сжала мою руку и ушла, тихо прикрыв за собой дверь.

Вот я и на месте. Это мое время и мое пространство.

Позже, когда я проголодалась и решила вернуться в прихожую, возле коврика для ног я обнаружила бутылку вина. На стикере неровным почерком было написано: «Добро пожаловать в Люнебург». Я снова почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы.

Снова. Но теперь я сглатываю их, откашливаюсь и выпрямляюсь. Какое-то движение привлекает мое внимание. Прямо на крону дуба приземлилось что-то зеленое: на ветке по диагонали сидит довольно большая птица в красной шапочке на голове. Она энергично стучит клювом по грубой коре дерева. Дятел? Мне немного стыдно, что я не знаю названия птицы, поэтому, недолго думая, я загружаю ее фотографию в поисковую систему в интернете. Да, и вправду зеленый дятел.

И не один! Проходит немного времени – и прилетает второй. Это пара? А дятлы моногамны? Я держусь изо всех сил, чтобы не спросить об этом «Википедию». Вместо этого вспоминаю историю про лесных совят, которую мама когда-то рассказывала мне на ферме. С наступлением ночи на ферме можно было услышать уханье. Протяжное «Уху-уху-хухухуу» пугало городского ребенка. Наверное, чтобы меня успокоить, мама и придумала эту сказку о двух совытах, которые отправились в приключение, а потом вернулись в

уютное гнездо и навсегда остались жить вместе. В моей памяти совы – самые верные птицы на свете. Если они и ухают своим «Уху-уху-хухухухуу», то лишь для того, чтобы сказать друг другу: «Я рядом, я всегда рядом с тобой».

Не знаю, правда ли это. Я никогда не искала в интернете информацию насчет верности сов – и не собираюсь этого делать сейчас. Мне гораздо больше нравится наблюдать за двумя зелеными дятлами, которые скачут друг за другом в кроне дерева. Кажется, это какое-то предзнаменование, знак примирения.

Может быть, все еще наладится. Может быть.

Чудак

Добравшись до места назначения – Чертова моста, – я делаю заслуженный привал. Фух, запланированная на сегодня велопрогулка превратилась в приключение на целый день. Я прислоняю велосипед к перилам моста и наблюдаю за тем, как бежит река. Ильменау широкой голубой лентой вьется сквозь сказочное зеленое царство. У берегов реки сменяют друг друга пойменные луга, тростниковые заросли и выгоны для лошадей. За ними виднеются сосновые леса. Этот живописный пейзаж возвращает меня прямиком в детство – в то время, когда мы с семьей отдыхали в Люнебурге.

Вон там, на берегу, сидит мой отец. Он достал мольберт и поставил его перед собой. Не маленький мольберт, нет, большой! На мольберте – огромный холст. Метр на метр сорок, если быть точнее. Отец задумал что-то грандиозное. Я знаю эти размеры наизусть, ведь картина, которая родилась прямо на этом месте, теперь висит в моей квартире. Уже миллион раз она, как и другие полотна отца, переезжала со мной, а теперь... Сейчас я стою прямо на этом самом месте, у исто-

ков ее создания.

Я закрываю глаза и чувствую вкус домашнего лимонада, того самого, которого уже нигде не найти. Мы с мамой устроились на лужайке на покрывале и погрузились в мир книг, которых нам обоим всегда было мало. Время от времени нам становится очень жарко, и тогда мы заходим в реку. Прохладная вода нежно обнимает колени и бедра, неустанно течет, бурлит. Каждую лишнюю каплю летней жары она забирает из тела и уносит прочь в своем потоке.

«Можно посмотреть?» – этот вопрос я задавала отцу чаще, чем любой другой. С мокрыми ногами я стою позади на безопасном расстоянии и украдкой смотрю на холст. Папа не любит показывать незавершенные работы, и только мне он разрешает изредка взглянуть на них.

Отец энергично взмахивает правой рукой – и этого жеста достаточно для ответа. Я стремглав бросаюсь к отцу и устраиваюсь у него на коленях. И мы *смотрим*.

«Смотреть – вот что самое главное», – говорит папа. Он всегда повторял это. Кисточкой отец указывает на реку перед нами, на бесчисленное множество крошечных волн, сменяющие друг друга оттенки голубого, тени от деревьев, пробивающиеся сквозь листву лучи солнца, на танцующие на воде блики. А потом мы видим все это на картине, вновь находим на полотне каждую деталь.

Сначала отец нарисовал Ильменау, потом изобразил берег с его зеленью и Чертов мост. Я помню эту картину в точно-

сти. Более того, я вижу перед собой, как она появляется, – словно фильм, который можно перемотать.

Каждый раз, когда мы отдыхали здесь, отец рисовал множество картин. Картин, которые несли его неповторимый почерк и были целиком и полностью его творениями. Эти картины я узнаю из тысячи.

Я отталкиваюсь от перил. Невероятно, сколько всего всплыло в моей памяти с того момента, как я вернулась в Люнебург. Проснувшись сегодня утром, я точно знала, что поеду на Чертов мост. И вот теперь они все вернулись, все эти детские воспоминания. Как же они прекрасны!

– Там пони! – вырывает меня из размышлений детский голос.

– Вау, круто! Я тебя обгоню!

Мимо меня по направлению к выгону для лошадей, расположенному вниз по течению реки, проносятся на велосипедах две девочки. Они устроили соревнование. Я улыбаюсь и смотрю вслед их развевающимся юбкам. Девочки одеты в одинаковые светлые футболки в цветочек. Точно близняшки.

Я здороваюсь с их родителями, которые неспешно едут позади, и мне сразу вспоминается маленькая Валери, дочь фермерши. Я снова слышу, как она доверчивым голосом спрашивает: «Мама... У меня же будет сестренка?» Как я ее понимаю. Чего мне всегда хотелось, даже во время каникул на Люнебургской пустоши, так это подруги, сестры. Мне ее

очень не хватало, и я надеялась, что она вот-вот появится в моей жизни. Но этого так и не случилось.

Я морщусь, чувствую сухость в горле, хватаю из велосипедной корзины бутылку с водой и пью большими глотками.

«Интересно, а все ли дети, у которых нет братьев и сестер, чувствуют себя так? – Я опускаю бутылку. – Все ли они мечтают о брате или сестре? В любом случае все было бы по-другому, будь мы вдвоем, – размышляю я. – Если бы у меня была сестра, то она бы была здесь. Даже несмотря на то, что родители давно умерли, у меня бы осталась частичка семьи».

Я делаю последний глоток, закручиваю крышку бутылки и бросаю ее в корзину. Сейчас не время для сентиментальности!

Но, видимо, это неизбежно, учитывая все то прошлое, к которому я сегодня возвращаюсь. Весь день я потратила на поиски фермы, где мы раньше отдыхали с родителями. Не нашла! Она как сквозь землю провалилась. Я точно помню, как она выглядит, помню старый дом и хлев, но никак не могу вспомнить название. Я целый день ездила по округе и изучала указатели в надежде обнаружить хоть какую-нибудь зацепку.

Но все было напрасно – и теперь с меня хватит. Я решаю закончить на сегодня. Достаточно воспоминаний, хватит этого мозгового штурма. Я не колеблясь кладу руки на руль, отталкиваюсь от земли и направляюсь вперед по узкой тропинке. «До города наверняка осталось немного», – думаю

я и изо всех сил кручу педали.

Как же хорошо! Ветер здорово освежает меня, а сама я с удовольствием скользя по тропинке вдоль берега реки. Мысли начинают литься потоком, заставляя подумать о моем гнездышке – прекрасной террасе под дубовой кроной, которая уже ждет меня.

«Велопрогулки всегда были одной из тех вещей, – размышляю я, – которые неизменно поднимают мне настроение. А особенно сегодня, ведь в этих местах на пути едва ли встречаются горы». Наоборот: я легко и неспешно качусь на своем городском велосипеде.

Не проходит и двадцати минут, как я добираюсь до своего района в Люнебурге, но решаю для начала заехать в пекарню к Класу. Я голодна и хочу все-таки взглянуть, что же еще он приготовил. Быстро паркую велосипед в уже знакомую стойку, взбегаю по ступенькам к входной двери, собираюсь толкнуть ее, но дверь заперта. Почему? Я в растерянности поднимаю глаза. Неужели закрылись? «Не может такого быть, – думаю я, – еще слишком рано».

И тут я замечаю небольшую табличку, болтающуюся на внутренней стороне стеклянной двери:

Закрыто! Все распродано.

Этого не может быть! Глазам своим не верю. Я в замешательстве всматриваюсь в темную глубь магазина, прикрыв рукой глаза от света. Действительно, все вымели дочиста в прямом смысле этого слова. Я возмущенно качаю головой.

Как можно было просто взять и закрыть магазин? Как можно было спланировать все настолько плохо, что товар распродан еще до закрытия? Что за чудак этот пекарь?

– Вам помочь? – раздается сзади баритон.

Я отрываю взгляд от стеклянной двери, опускаю руку и оборачиваюсь. Передо мной, широко расставив ноги, стоит Клас собственной персоной.

– Вы закрыли магазин, – отвечаю я с упреком, ожидая услышать искренние извинения.

Ничего подобного. Этот Клас просто смотрит на меня – в упор, будто упущена какая-то значимая деталь, будто самое важное еще не сказано.

Я с беспокойством замечаю, как его темно-карие глаза изучают меня из-под кепки. Мой взгляд приклеился к глазам мужчины, как муха к липучке. И вдруг я чувствую у своих коленей две лапы. Две мокрые лапы. Я не успеваю отойти, как эти лапы уже скользят вниз к моим лодыжкам, оставляя следы земли. Такса. Стоит передо мной, радостно глядя снизу вверх, совершенно не замечая ничего плохого, словно мы с ней лучшие друзья.

– Это животное когда-нибудь сведет меня с ума! – Клас умоляюще поднимает взгляд к небу, и эта картина кажется мне почему-то знакомой.

– Честно говоря, меня тоже, – тихо отвечаю я и вижу, как по моим укороченным белым брюкам расползается пятно. К счастью, мокасины не пострадали, потому что эту светлую

замшу я бы в жизни не отстирала.

– Вы слишком уж шикарно одеты. Кто вообще катается на велосипеде в такой одежде? Ничем хорошим это не заканчивается!

Я не верю своим ушам. Что за грубиян! Значит, это я виновата, что мои брюки испорчены?

– Это все, что вы хотели сказать? – парирую я.

– Нет, но раз уж вы спросили, – тут же наносит ответный удар Клас, – вы ужинали?

Я стою в шоке. Что все это значит? Я смело сбегāju по ступенькам и, к моему большому удивлению, чувствую себя совсем маленькой рядом с ним. Я в недоумении останавливаюсь. При росте 1,88 метра я обычно легко возвышаюсь над большинством людей. Необычный для женщины рост я унаследовала от отца и не всегда была этому рада. Достаточно часто мужчины, которые мне нравились, были ниже меня. Но не Клас: он огромный и, должно быть, ростом почти два метра.

– Что вы имеете в виду?

Я беру себя в руки и встаю перед мужчиной, выпрямив спину. Клас на секунду закатывает глаза.

– Я имею в виду, вы голодны? Г-о-л-о-д-н-ы?

Я настораживаюсь. Приглашение на ужин? От него? Желудок предательски выдает меня и начинает урчать так громко, что мой собеседник резко оборачивается и, небрежно махнув рукой, приглашает проследовать за ним.

– Что? – кричу я ему и указываю на грязные брюки: – Хотите, чтобы я пошла с вами на ужин в таком виде?

Клас останавливается и поворачивается ко мне:

– Поверьте, там, куда мы идем, это никому не доставит неудобств.

Затем Клас делает паузу, словно пытаюсь собраться с мыслями. Откидывает кепку, медленно потирает лоб и опускает взгляд.

– Моя собака уже два раза повела себя просто недопустимо по отношению к вам, – тон мужчины заметно смягчился. – Я хотел бы загладить вину. Не будете ли вы так любезны поужинать со мной?

Что-то заставляет меня последовать за ним. Удивление оттого, что этот человек может так много говорить, да еще и так вежливо? Или, может быть, эта жизнерадостная такса, которая продолжает скакать передо мной? Или крошечные морщинки от смеха, обрамляющие два темно-карих глаза мужчины...

Пусть будет так. Через пару улочек мы с Класом и такой доходим до небольшой деревянной террасы, спрятанной во внутреннем дворе. Между фронтонами домов проглядывает солнце. Сегодня достаточно тепло, а это значит, что можно устроиться на улице.

– Присаживайтесь, пожалуйста, – Клас указывает на один из деревянных столов.

Мы здесь первые гости, ведь для ужина еще довольно ра-

но. Азиатка с длинными черными залакированными волосами выходит и любезно приветствует нас. Кажется, Клас здесь завсегдатай. Мы заказываем напитки, и официантка оставляет нам две деревянные доски с прикрепленными к ним светло-зелеными листами бумаги. Я беру меню и быстро просматриваю его, искоса поглядывая на Класа: этого я от него не ожидала. В моем представлении мы должны были уже поесть жареную картошку с салом и яичницей, но никак не сидеть в этом ресторане. В меню столько изысканных, свежих и легких блюд. Этот азиатский ресторан идеально бы вписался во флигель какого-нибудь дома в Берлине и стал бы настоящим местом притяжения.

– Вы часто здесь бываете? – начинаю я разговор.

– Мы с владелицей этого заведения, – произносит Клас, указывая подбородком на дверь террасы, – знакомы уже много лет. Я люблю вьетнамскую кухню.

Я одобрительно киваю. Когда официантка возвращается, я заказываю карри с курицей, сладким горошком и лимон-грассом. На закуску беру дамплинги: обожаю эти искусно начиненные, приготовленные на пару пельмени. Делать их долго, поэтому в меню они встречаются редко.

– Мне, пожалуйста, суп фобо¹ и рисовый боул с авокадо, водорослями вакаме и жареными кешью. – Клас складывает меню и отдает официантке. – Спасибо, Нхи, – голос мужчи-

---

¹ Традиционный вьетнамский суп на основе говяжьего бульона с рисовой лапшой, тонко нарезанным мясом и свежими травами. *Прим. ред.*

ны становится мягким, почти нежным.

Когда Клас обращается ко мне, в его тоне снова звучит твердость:

– Что вы делаете в Люнебурге? Приехали в отпуск?

– Так сильно похожа на туристку? – я чувствую себя застигнутой врасплох.

– Ну да...

– Вы правы, я приехала на пару дней, спонтанно решила отдохнуть. Меня, – я на секунду запинаясь, – меня сюда как-то занесло.

– «Занесло», говорите. – Пока я удивляюсь собственной откровенности, Клас продолжает: – Меня, в общем-то, тоже.

– Серьезно? Я была уверена, что ваша семья уже как минимум пять поколений сохраняет здешние традиции пекарского дела.

Клас усмехается.

– Все не совсем так, – отвечает он и протягивает мне руку. – Кстати, меня зовут Клас.

– Фрауке, – представляюсь я и пожимаю руку. – Можем перейти на ты.

Мой собеседник коротко кивает:

– Мне действительно очень жаль, что моя собака так себя повела. Надеюсь, у тебя получится отстирать брюки.

Взгляд Класа скользит под стол, где виднеются не только мои испачканные штанины, но и сама собака.

– Эта жесткошерстная такса настолько упряма, что труд-

но себе представить. Она совершенно не поддается дрессировке.

– Она?

– Да. Дереза – девочка.

– Вот оно что.

Теперь и я заглядываю под стол:

– У нее интересное имя. Дереза... Коза?

– Нет. Колючий кустарник.

Снова эта грубость. Я разглядываю своего собеседника, хозяина таксы. С виду грубый, но на самом деле ведь неплохой человек.

Затем мое внимание привлекает Нхи. Она почти бесшумно подходит к нашему столу, ставит перед Класом бирюзовую супницу с узором, а передо мной – фаянсовую тарелку с золотой каймой. На тарелке уже красуются пять искусно закрученных пельменей.

– Как вкусно выглядит, – бормочу я и с восхищением прикасаюсь пальцами к посуде.

В этот момент я замечаю, как Нхи и Клас обмениваются парой слов. Быстро, тихо, непринужденно и на языке, которого я не понимаю.

– Вьетнамский? – спрашиваю я неуверенно, когда Нхи уходит.

– Да, я пару лет жил в Ханое.

Клас снова меня удивляет. Да, признаю, изначально я была уверена, что передо мной какой-то чурбан, деревенщина,

которому не удалось продвинуться дальше собственного села. Но он другой. Клас – как коробка с сюрпризами, и ее содержимое интригует.

– И как же ты попал из Вьетнама в Люнебург?

Я отправляю в рот первый пельмень и на мгновение закрываю глаза, чувствуя нежную структуру теста.

– Через Лос-Анджелес, остров Зюльт, Швейцарию и Гамбург.

– Довольно интересный маршрут, – улыбаюсь я. – Что ты там делал?

– То же, что и здесь. – Клас опускает ложку в горячий суп. – Я выпекал хлеб. Будучи немецким пекарем, ты можешь работать где угодно. Когда мне надоели все эти поездки, я открыл в Люнебурге свой небольшой магазин с лучшими рецептами, которые удалось собрать во время путешествий по миру.

– Удивительно. Но скажи, это правда, что ты печешь только хлеб?

– Да, это правда. Но я пеку хлеб не один, нас в цеху четверо. Мы выпекаем больше десятка сортов хлеба и делаем это настолько хорошо, насколько можем.

– Верю на слово. Но можно ли заработать этим на жизнь? Конкуренция не спит.

Клас тяжело откидывается на спинку стула. Кажется, ему уже не раз задавали этот вопрос – и он не любит на него отвечать.

– Три года назад я решил начать свое дело и открыть пекарню, в которой буду печь только хлеб. Тогда все думали, что я спятил. «Ничего не выйдет», – говорили мне все эти умники. Немало хлопот мне доставил поиск банка, который был бы готов выдать мне на это кредит. А сегодня, – Клас снова наклоняется вперед, – после обеда весь хлеб был распродан, хотя мы производим его столько, сколько может вместить цех. Весь хлеб раскупили, потому что его качество на высоте и каждый, абсолютно *каждый* чувствует это. Мне не нужно ничего объяснять, не нужен маркетинг и пустая болтовня. Вкус есть – и все тут.

Я разламываю последний пельмень и испытываю при этом противоречивые чувства. Клас говорит убедительно, но ни он, ни его бизнес-идея мне все же не понятны.

– Это действительно впечатляет, и да, я не могу не согласиться: хлеб, который вы выпекаете, невероятно вкусный. Поэтому ты мог бы задуматься о расширении: нанять еще сотрудников, открыть больше магазинов, построить просторный производственный цех, – перечисляю я.

– Но я не хочу, – Клас решительно качает головой. – Мне нравится печь самый лучший хлеб, который только можно себе представить, с людьми, которых я знаю и которым доверяю. И я хочу печь хлеб сам, своими руками.

Клас разводит пальцы, словно солнечные лучи.

– Я пекарь! Пекарь, а не канцелярская крыса, которая сидит в каком-то бездушном промышленном центре над пись-

мами, заказами, счетами, налогами и объявлениями о вакансиях. Меня это совершенно не интересует, ни капли.

Клас начинает злиться, его глаза сверкают.

– Скажи, какой хлеб ты покупала у нас?

– Ржаной.

– Ржаной! Замечательный выбор. Но в следующий раз возьми хлеб на закваске. Ты почувствуешь вкус *времени*, которое мы в него вложили.

Времени? Я настораживаюсь. Клас – поэт, который умеет выпекать время? Мне на ум тут же приходит легендарная книга «Момо» Михаэля Энде², которая рассказывает о загадочных Серых господах, ворующих у людей время.

Я слушаю дальше.

– Мы готовим закваску четыре дня, – начинает Клас свой рассказ. – Есть собственно тесто для хлеба и опара, часть которой мы храним в холодильнике, проверяем каждый день и подкармливаем. Оба вида теста готовятся из муки, воды и соли. Так мало надо, почти что ничего, да? Секрет вкуса кроется во *времени*, которое мы отводим на то, чтобы хлеб поднялся. А еще в нашем внимании к тесту, в его консистенции, в том, какое оно на ощупь, когда нужно добавить муки, как оно выглядит при подходящей температуре и когда начинает расти – прямо как живой организм. Такому тесту требуется отдых и воздух. Его нужно аккуратно разравнивать,

---

² Михаэль Энде (1929–1995) – немецкий писатель, автор произведений для детей. Прим. ред.

но месить его нельзя. Ни в коем случае! Закваска не прощает ошибок. Когда тесто готово и наступает день выпечки, мы разогреваем духовку до двухсот тридцати градусов и поддерживаем влажность, поместив внутрь небольшой глиняный горшок с водой. Потом охлаждаем духовку до двухсот градусов, достаем горшок и ставим в духовку хлеб. Он выпекается добрых полчаса, а затем нужно приоткрыть дверцу духовки и подождать еще некоторое время. Только потом хлеб можно доставать. Как говорится, закваска не прощает ошибок. Ее нужно уважать. Теперь ты представляешь, что я имею в виду, когда говорю о *выпечке*? Понимаешь, что значит выпекать идеальный хлеб?

Когда Клас замолкает, он светится, пылает. Все его тело и все его естество напряжены до предела. Да, на ум сразу приходит слово «страсть». Клас нашел свою страсть, в этом нет никаких сомнений.

Нхи тихонько приближается сзади. Тянется забрать пустую тарелку Класа – и в этот момент только что раздраженный мужчина преображается: наклоняет голову, закрывает глаза. Он напоминает мне кота, который довольно выгибает спину и ждет, когда же его погладят. Завораживающее зрелище. Когда Нхи снова уходит, кажется, что ее нежность окутала плечи Класа, будто шелковый шарф.

Я откашливаюсь и складываю руки на столе. Вспоминаю о Юстусе – инвесторе, который ездит по миру в поисках таких самородков, как Клас со своей пекарней. Если он находит

что-то подобное, то вкладывает в это деньги. Юстус отправляет туда своих консультантов, оптимизирует процессы, создает бренды и дистрибьюторские сети. Он расширяет производство.

– Тобой никогда не интересовался какой-нибудь инвестор?

Я должна задать Класу этот последний вопрос. Услышав его, мужчина лишь устало взмахивает рукой.

– Интересовался, и не один. Если бы я согласился на их предложения, у меня была бы уже целая сеть франшиз. Но на самом деле это не так: я стал бы всего лишь управляющим директором, получил бы акции, но это место мне бы больше не принадлежало. Вместо этого я, движимый собственным успехом, был бы вынужден каждый год показывать все лучшие результаты. И это меня тоже совершенно не интересует, ни капли.

Я сжимаю губы и несколько раз молча киваю. Мой взгляд останавливается на узорчатой деревянной поверхности стола, а мысли проносятся в голове свободно и легко, будто кто-то предварительно убрал все преграды.

– Заставляет задуматься?

Мужчина наклонился вперед. Я поднимаю глаза и вижу его глубокие от смеха морщинки. Интересно, сколько этому Класу лет?

– Сколько тебе лет?

Я удивляюсь своей же прямооте. Но что сказано, то сказа-

но.

– Сорок три. А тебе?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.